

Отношение к классовости во многом формирует полемику 1920-х годов. Политика партии в области литературы, настойчивые «советы» со стороны партийного руководства «учиться у классиков», последовательный курс на привлечение в литературу писателей-попутчиков и «невнимание и недооценка» новой пролетарской литературы превратили принцип классовости в одно из важнейших орудий борьбы за гегемонию в литературе. Начало этой борьбы непосредственно связано с выходом журнала «Красная новь» и попыткой объединить вокруг него лучшие силы, способные продолжить литературную традицию. Низкое качество произведений пролетарских писателей привели к ситуации, когда «попутчикам в литературе... достались ключевые позиции»³⁵, что выразилось не только в моральной, но и в материальной поддержке их властью. Быстро окрестив попутчиков «бутербродными писателями», пролетарские литераторы, объединившиеся в группе «Октябрь», становятся инициаторами дискуссии о положении пролетарской литературы. В ходе дискуссии, предшествовавшей майской конференции 1924 года, были сформулированы основные требования, предъявляемые идеологами к пролетарской литературе и литературе прошлого. Политический дискурс формируется вокруг требования классовости на разных ее уровнях:

— классовость литературы. В основе этого требования лежит взгляд на литературу как на орудие воздействия на сознание и волю читателя, т. к. «в наше время художественное произведение — чего бы оно ни касалось — может быть оружием или рабочего класса, или его противников»³⁶;

— классовость писателя. Это требование «открытой тенденциозности» писателя: «Под пролетарским писателем мы подразумеваем художника, который смотрит на мир глазами пролетарского авангарда, который воздействует на читателя в сторону конечных целей пролетариата как класса»³⁷;

— подчинение литературы запросам классового читателя. Требование, воскрешенное дискуссиями о «ленинском наследии», в ходе которых «как основной канон нашей литературной политики»³⁸ выдвигается требование доступности литературы, ее понятности в первую очередь рабочим и крестьянам.

На этом этапе формируется понимание классовости как понятия, тождественного пролетарской тенденциозности. Классовость становится также признаком правдивости и массовости. Социально-психологическое литературоведение распространяет классовый подход на литературу прошлого. Происходит уже знакомое нам бинарное деление литературы и литераторов на классовых союзников и классовых врагов. Категория классовости распадается на «осознанную» и «стихийную». В основе этого деления лежит уже известная из ранней марксистской критики «способность художника отражать интересы своего класса». При этом классовость пролетарского художника всегда осознана, однако существенно новым становится утверждение, что и непролетарский художник может быть «стихийно» классов, т. к. гениальный художник в силу своего таланта может подняться выше узкоклассовых интересов и отобразить жизнь во всей ее противоречивости, что делает значение его творчества непреходящим. Это положение было необходимым для поддержки лозунга «учебы у классиков». Без него было непонятно, у каких «классиков» следует учиться, а кого из них нужно записать в «классово чуждые».

Примером такой переинтерпретации служит Лев Толстой, ставший, по ленинскому определению, «зеркалом русской революции» и в силу своего гения сумевший отразить «классовую борьбу эпохи». В конце 1920-х — начале 1930-х годов принцип классовости предстает в одном из наиболее конкретных своих выражений — классовой борьбе. Так, еще в резолюции от 14 июля 1925 года констатируется «классовая борьба на литературном фронте», а призывами «отражать классовую борьбу в литературе» проникнута вся риторика РАППа. Классовая борьба становится не только темой художественных произведений, но и организационным принципом деятельности литературных организаций по «очистке» своих рядов от инакомыслящих (Пильняк, Замятин). Это своеобразная «классовость в действии». Началом конца принципа классовости можно считать статью в «Правде» от 14 декабря 1929 года «За консолидацию коммунистических сил в пролетарской литературе». Хотя статья эта была использована РАППом в целях дальнейшего подчинения оставшихся литературных групп, само название указывало на потенциальную возможность объединения на основе более высокого порядка. Пришло время заменить классовый подход к литературе партийной линией руководства ею, тем более, что пролетарской литературы к этому времени создать так и не удалось. Политическая ситуация, сложившаяся к началу 1930-х годов, происшедший на вершинах власти «великий перелом» требовали пересмотра прежних позиций. Ленинский принцип партийности, реанимированный в 1924 году, соответствовал этой цели в куда большей степени, нежели отвлеченная, плохо контролируемая и поддающаяся различным интерпретациям «классовость».